

Четвертый энергопакет ЕС?

К чему готовиться «Газпрому» в Европе

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Советник Генерального директора ООО «Газпром экспорт»,
профессор кафедры «Международный нефтегазовый бизнес» РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина,
сопредседатель (с российской стороны) Рабочей Группы 2 «Внутренние рынки» Консультативного совета
Россия-ЕС по газу

Формирование современной архитектуры рынка газа Европейского Союза насчитывает более чем 50-летнюю историю. Оно уходит корнями в 1951 год, когда был заключен Парижский договор, положивший начало созданию первого интеграционного объединения в Западной Европе – Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Свои подписи под ним поставили Франция, ФРГ, Италия и страны Бенилюкса. Это заложило материальную основу для восстановления в Европе отраслей машиностроения – основного локомотива послевоенного индустриального развития. Но, главное, это интеграционное объединение ускорило примирение двух недавних противников во Второй мировой войне – Франции и Германии. Ибо ничто так не примиряет ранее противоборствующие стороны, как совместная созидательная работа. Каковы же были «этапы большого пути» по построению единого рынка газа ЕС и каковы перспективы его дальнейшей трансформации в условиях меняющейся парадигмы развития мировых энергетических рынков и усиления глобальной конкуренции? И наконец, как все эти процессы могут отразиться на конкурентных позициях «Газпрома» на европейском рынке?

Следующим шагом на пути европейской интеграции стал Римский договор, подписанный теми же странами в 1957 году. Он предусматривал создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС), охватывающего большое количество товаров и услуг. Предполагалась также ликвидация всех преград на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала.

Либерализация происходила в соответствии с экономической логикой, по модели «от простого к сложному», начиная с менее капиталоемких отраслей. Поэтому она в последнюю очередь коснулась энергетического комплекса – капиталоемкого и к тому же опирающегося на стационарную инфраструктуру. Лишь в конце 1990-х годов был принят Первый энергетический пакет ЕС (1996 год – для электроэнергетики, 1998 год – для газа).

Дальнейшее развитие системы регулирования рынка газа расширяющегося Евросоюза происходило в рамках переплетения нескольких взаимозависимых процессов (см. «Формирование современной архитектуры...»).

ИНГРЕДИЕНТЫ ЕДИНОГО РЫНКА

Изначально существовала и сохраняется ныне высокая зависимость стран ЕС от импорта энерго-ресурсов в целом и газа в частности. Видимо, она

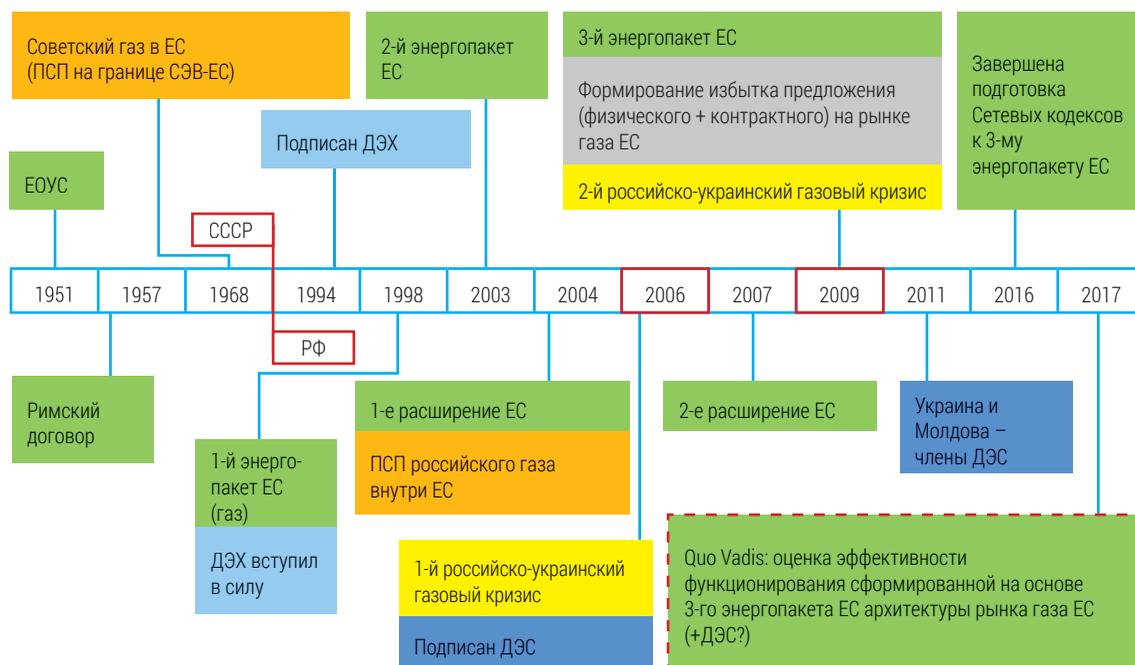
будет расти и далее. Это понимание совершенно однозначно изложено как позиция Директората по энергетике Еврокомиссии (ДЭЕК) в его внутренних документах.

Либерализация в ЕС происходила, в соответствии с экономической логикой, по модели «от простого к сложному», начиная с менее капиталоемких отраслей

Но это значит, что будет расти и зависимость стран Евросоюза от суверенных решений государств-экспортеров газа. Они поставляют газ в ЕС с разрабатываемых ими, как правило, гигантских (для реализации «эффекта масштаба») месторождений и имеют суверенное право на максимизацию своей монетизируемой ресурсной ренты. И это вызывает озабоченность институтов ЕС.

Объективная экономическая логика требует, чтобы механизмы регулирования рынка газа в ЕС формировались с учетом обоснованных, имеющих инвестиционную природу требований государств-экспортеров. Особенно тех, что связаны с ЕС капиталоемкой стационарной трансграничной инфра-

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ И СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ГАЗА ЕС: ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Источник: составлено автором

структурой (Россия – главный такой экспортер). Более того, импортная зависимость Евросоюза предопределяет невозможность построения рынка газа в ЕС по американской модели. Ибо в США его развитие происходило на основе собственных и преимущественно мелких и средних месторождений, осваиваемых частным бизнесом. А роль государства сводилась преимущественно к фискальной.

Однако ЕС стремится навязать государствам-экспортерам свою модель, которая нацелена на создание конкурентного рынка. В первую очередь – за счет наращивания конкуренции поставщиков. Тем самым взят курс на снижение цен в Европе. Это создает глубокий конфликт интересов экспортеров и импортеров. Он может быть взаимоприемлемо разрешен только в рамках нахождения баланса интересов сторон.

В 1968 году начались и в дальнейшем продолжали нарастать поставки газа в ЕС из СССР/России. Они опирались на долгосрочные экспортные контракты (далее – ДСЭГК) по Гронингенской модели. При этом если до расширения Евросоюза (в 2004 году) пункты сдачи-приемки советского/российского газа располагались на его внешней границе, то затем они оказались глубоко внутри ЕС.

Поэтому если раньше на российские поставки в рамках ДСЭГК оказывало влияние только изменение контрактных цен, то теперь часть российской цепочки газоснабжения оказалась внутри ЕС. То есть на нее стали распространяться правила регулирования европейского рынка газа. В первую очередь – о разделении функций добычи, купли-продажи и транспортировки газа. В соответствии с этими правилами поставщик газа не мог быть более оператором газотранспортной системы (ГТС), по которой осуществляются его поставки.

Изначально существовала и сохраняется ныне высокая зависимость стран ЕС от импорта энергоресурсов в целом и газа в частности. Видимо, она будет расти и далее

Также после 2003 года в ЕС стало общим правилом обеспечение так называемого обязательного доступа третьих сторон (ОДТС) к газотранспортной инфраструктуре. Это создало риски контрактного несоответствия. Поэтому после принятия Второго энергетического пакета в 2003 году и расширения Евросоюза в 2004-м существенно возросли риски для экспортеров газа в ЕС. Особенно это касается России.

Развивалась также система международных механизмов регулирования энергетических рынков с участием ЕС, России и других стран «Большой энергетической Европы». Наблюдается корреляция разнонаправленных по интересам процессов формирования внутреннего законодательства ЕС и международно-правовых актов с участием ЕС. К числу последних относятся Договор к Энергетической хартии (ДЭХ, страны-члены которого, включая страны ЕС и не входящие в ЕС, согласовали взаимоприемлемые для всех участников правила регулирования энергетического бизнеса на территории Договора) и Договор об Энергетическом сообществе (ДЭС, страны-члены которого обязываются применять в своем внутреннем законодательстве нормы энергетического права ЕС).

ЕС стремится навязать государствам-экспортерам свою модель, которая нацелена на создание конкурентного рынка. В первую очередь – за счет наращивания конкуренции поставщиков

На каких-то этапах эта корреляция была положительной, то есть обеспечивала совпадение (или, по крайней мере, отсутствие конфликта) интересов договаривающихся сторон, включающих страны-энергоимпортеры ЕС и страны-энергоэкспортеры. Так происходило, например, между ДЭХ и Первым энергопакетом ЕС. На каких-то этапах – отрицательной, как между ДЭХ и Вторым и Третьим энергопакетами ЕС и ДЭС (см. «Инструменты внутренней либерализации...»).

Эволюционные процессы на международных рынках газа оказали свое влияние и на Европу. Там избыток спроса в 2009 году сменился избытком предложения. Это явилось результатом изменений как на стороне спроса (последствия экономического кризиса 2007–2008 годов, эффект долгосрочной политики, нацеленной на повышение энергоэффективности), так и на стороне предложения (эффекты домино американской сланцевой революции). Формирование избытка предложения (как физического, так и контрактного) резко повысило эффективность мероприятий по либерализации на рынке газа ЕС. Они осуществлялись на базе положений Третьего энергопакета, вступившего в силу в том же 2009 году.

Либерализационные тенденции на рынке газа ЕС были в значительной степени ускорены российско-украинскими транзитными кризисами 2006 и 2009 годов, приведшими к временным

перебоям в поставках газа из России в ЕС через Украину из-за несанкционированных его отборов из транзитной трубы. Это нашло свое отражение в более радикальном (а отчасти – и в дискриминационном) характере системы регулирования рынка газа ЕС по отношению к внешним поставщикам, в частности – из России.

Все эти переплетающиеся процессы привели к формированию современной системы регулирования рынка газа ЕС. Эффективность ее функционирования должна была быть оценена в рамках проекта Quo Vadis (см. «В одни ворота», НГВ #15–16/2017).

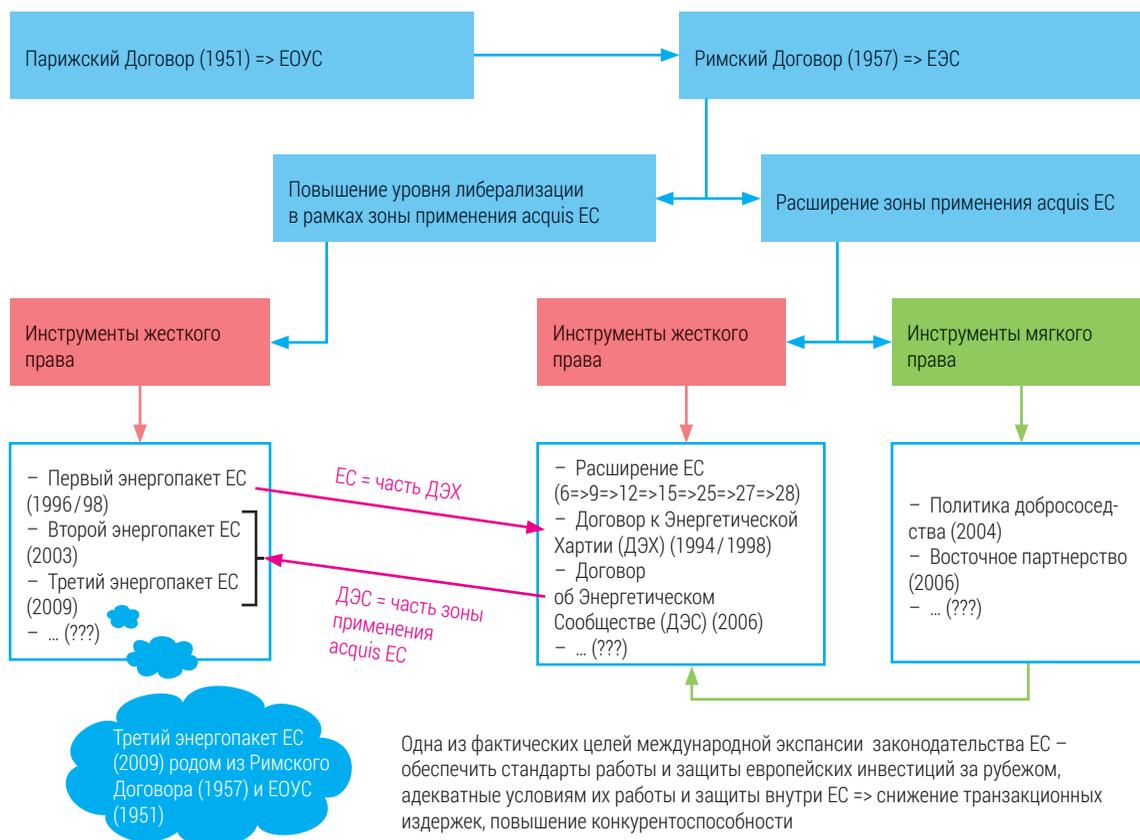
ТРЕТИЙ ЭНЕРГОПАКЕТ

В сентябре 2009 года был принят Третий энергетический пакет ЕС. Он вступил в силу в марте 2011 года. В соответствии с ним формировалась новая архитектура единого внутреннего рынка газа ЕС, построенная по принципу совокупности рыночных зон (см. «Организация единого внутреннего рынка газа...»).

Эти рыночные зоны создаются в виде «басейнов», сообщающихся между собой посредством трубопроводов-интерконнекторов. Тарифы на транспортировку формируются по принципу «на входе-выходе». Доступ к мощностям ГТС на границах зон должен предлагаться грузоотправителям в виде «связанных продуктов», то есть пакетом «вход-выход» на каждом пункте перехода границы зоны. Внутри зон ответственность за транспортировку газа несет оператор ГТС. Это радикальный отход от преимущественно применявшейся ранее методологии «дистанционных» тарифов на транспортировку и в рамках связанных рынков.

Продажа газа во всех новых контрактах должна осуществляться на виртуальных торговых площадках (хабах) в рамках каждой зоны. Причем необязательно, чтобы каждая зона совпадала с географическими границами отдельных стран ЕС. Это не менее радикальный отход от принципа, действовавшего с 1960-х годов. Ранее продажи газа осуществлялись в пунктах сдачи-приемки

ИНСТРУМЕНТЫ ВНУТРЕННЕЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПАНСИИ ЕС В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Источник: составлено автором

на границе той или иной страны. При этом цены устанавливались в рамках срочных контрактов на основе различных модификаций так называемой Гронингенской формулы и зависели от стоимости замещающих энергоресурсов у конечного потребителя.

Третий энергопакет создал новые риски и неопределенности для традиционной инвестиционной модели освоения ресурсов газа и его долгосрочных поставок. Но он также открыл и новые возможности для экспортеров. Например – возможность поставок напрямую конечным потребителям, минуя оптовых перекупщиков.

Наблюдается корреляция разнонаправленных по интересам процессов формирования внутреннего законодательства ЕС и международно-правовых актов

Таким образом, возникли риски переходного периода с одной модели функционирования рынка газа на другую. Страны ЕС, безусловно, имеют суверенное право на выбор такой модели. Но важно, чтобы этот выбор осуществлялся с учетом интересов государств, взаимозависимых с ЕС в рамках технологической инфраструктуры газоснабжения.

КОДЕКСЫ И ЦЕЛЕВАЯ МОДЕЛЬ

В 2010 году начался процесс подготовки подзаконных актов к Третьему энергопакету – Сетевых кодексов (СК). Этот процесс продолжался до начала 2017 года (см. «Третий энергопакет...»). Он является сложной длительной многоступенчатой бюрократической процедурой, в которую вовлечены все основные участники европейского рынка газа – как со стороны регулирующих органов, так и со стороны газового бизнеса.

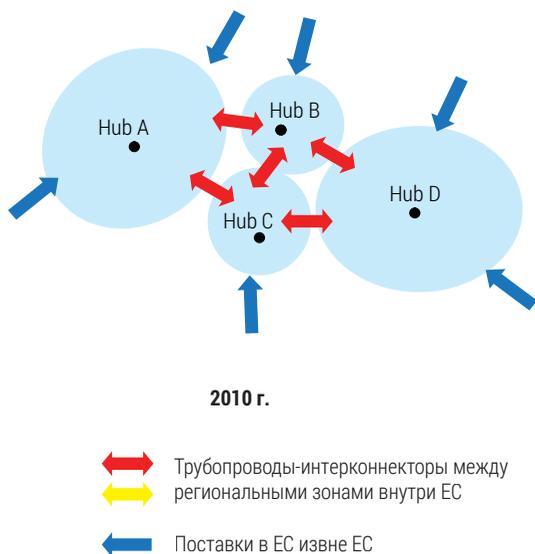
Именно поэтому процесс работы над СК растянулся на долгие семь с лишним лет. За это время были подготовлены и приняты шесть юридически обязательных кодексов (сначала планировалось, что их будет 12). Они касаются следующих сфер:

- ◆ управление транспортными перегрузками;
- ◆ доступ к действующим и новым мощностям ГТС;
- ◆ балансировка ГТС;
- ◆ возможность совместной работы ГТС и взаимодействия их операторов (правила обмена информацией)
- ◆ тарифы;
- ◆ целостность и прозрачность оптовых рынков.

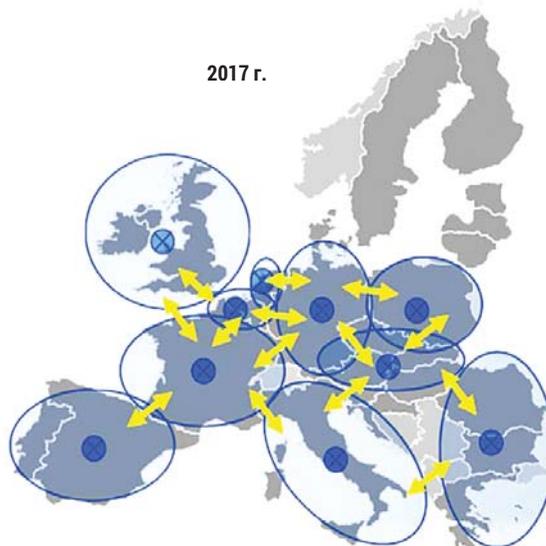
Подготовка новых СК текущими планами Еврокомиссии не предусмотрена. То есть Третий энергопакет ныне окончательно оформлен.

Разработка СК велась в рамках дискуссии о параметрах Целевой модели рынка газа (ЦМРГ). Были приняты две ее редакции (2011 и 2014 годов). ЦМРГ хоть и не является юридически обязательным до-

ОРГАНИЗАЦИЯ ЕДИНОГО ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ГАЗА ЕС В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕТЬИМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ ПАКЕТОМ

Источник: 17-й Мадридский Форум (январь 2010), энергетические регуляторы стран-членов ЕС

Источник: ACER Gas Target Model, 30-й Мадридский Форум (октябрь 2017)

кументом, но описывает ключевые параметры рынка газа ЕС, каким он видится участникам этой дискуссии. В ней установлены целевые ориентиры для конкурентного рынка: уровень ликвидности торговых площадок на уровне не ниже восьми (параметр «черн»), не менее трех источников поставок для каждой рыночной зоны и т. п.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПАНСИЯ

На всех этапах формирования энергетического законодательства ЕС происходила его целенаправленная международная экспансия. Не прекращались попытки его насаждения в законодательство соседних с ЕС государств.

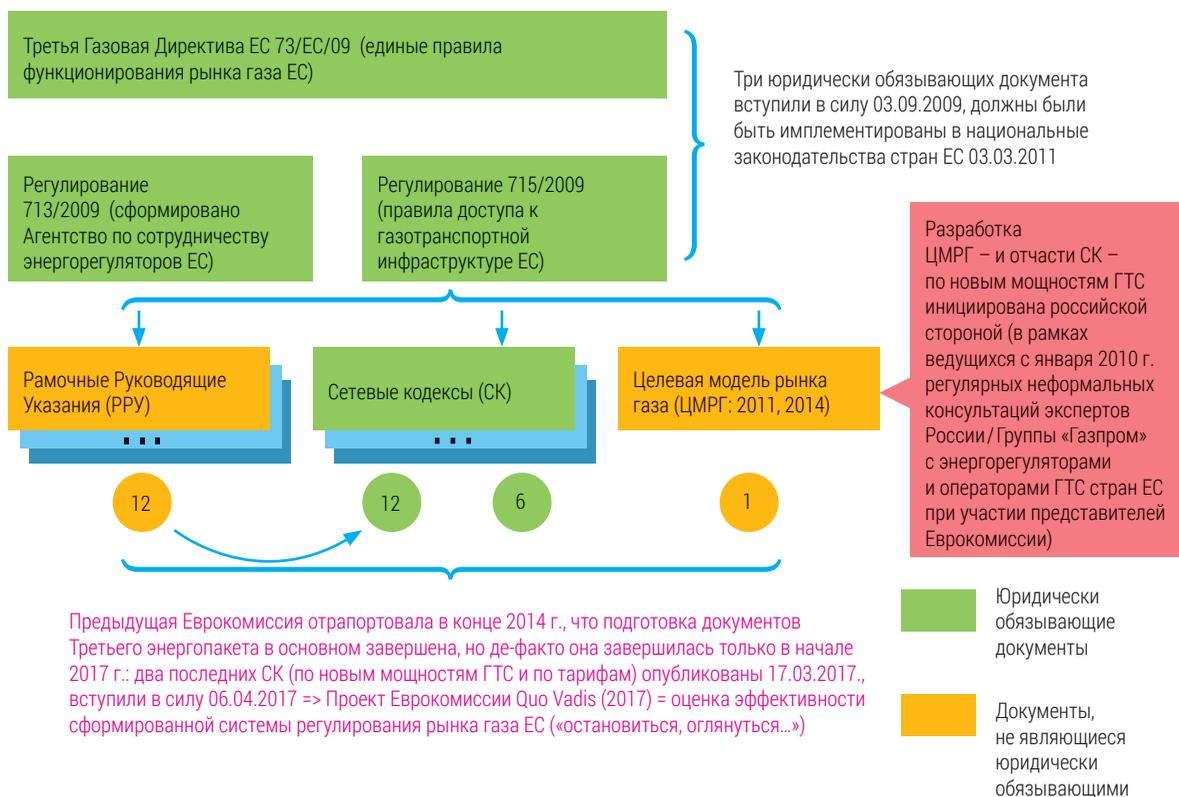
До конца 1980-х – начала 1990-х годов СССР и ЕС были разделены «железным занавесом». Поэтому поставки газа осуществлялись на «линию водораздела», где происходила смена прав собственности. Каждый контрагент мог обеспечить надлежащее продвижение товара только в рамках своей юрисдикции, то есть по свою сторону «занавеса». Когда этот занавес рухнул, то, во-первых, создались предпосылки для взаимопроникновения товарных и капитальных потоков за границу «своей» юрисдик-

ции. Во-вторых, резко выросло число суверенных участников внешнеэкономической деятельности на пространстве Евразии. Таким образом, появилась возможность для формирования многосторонних (в дополнение к существовавшим ранее двусторонним) механизмов защиты и стимулирования торговли и инвестиций, в первую очередь в энергетике.

Западные страны были заинтересованы, прежде всего, в инструментах защиты своих зарубежных инвестиций. То есть в создании для своих инвесторов, работающих в странах бывшего социалистического лагеря, привычных им условий деятельности. А бывшие соцстраны стремились быстрее пережить новое для себя «западное» законодательство. Для этого существовало два пути. Первый – его прямое заимствование и инкорпорирование в национальную правовую систему. Второй – формирование общих правил игры для стран Запада и Востока путем выработки многосторонних международно-правовых инструментов.

Понятно, что взгляды потребителей-импортеров и производителей-экспортеров существенно различались. Для первых важны бесперебойные поставки по наименьшей цене. Для вторых – как минимум

ТРЕТИЙ ЭНЕРГОПАКЕТ ЕС (ГАЗ) И ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

Предыдущая Еврокомиссия отrapговала в конце 2014 г., что подготовка документов Третьего энергопакета в основном завершена, но де-факто она завершилась только в начале 2017 г.: два последних СК (по новым мощностям ГТС и по тарифам) опубликованы 17.03.2017., вступили в силу 06.04.2017 => Проект Еврокомиссии Quo Vadis (2017) = оценка эффективности сформированной системы регулирования рынка газа ЕС («остановиться, оглянуться...»)

Источник: составлено автором

окупаемость инвестиций в долгосрочные капиталоемкие проекты по добыче и поставке энергоресурсов, а значит, предсказуемость платежеспособного спроса на них. То есть минимальная долгосрочная цена должна быть на уровне не ниже цены самофинансирования. А с учетом исчерпания невозобновляемого энергоресурса государство-экспортер имеет право (защищенное международно-правовыми документами) на получение максимальной монетизируемой ресурсной ренты, то есть на цену на уровне стоимости замещения.

Либерализационные тенденции на рынке газа ЕС были в значительной степени ускорены российско-украинскими транзитными кризисами 2006 и 2009 годов

Чтобы обеспечить обильные и бесперебойные поставки, диверсифицировать их источники и маршруты, ЕС стремится создавать более комфортные и конкурентоспособные условия для деятельности европейского бизнеса за пределами Евросоюза. Поэтому одна из фактических целей международной экспансии законодательства ЕС – внедрить стандарты работы и защиты европейских инвестиций за рубежом. Это ведет к снижению транзакционных издержек и повышению конкурентоспособности европейских компаний.

По мере либерализации внутренних рынков газа своих стран-членов ЕС пытается распространить свои правила игры на все более обширное пространство вне Евросоюза. Это происходит как за счет повышения уровня либерализации в зоне применения законодательства ЕС, так и путем расширения этой зоны. В последнем случае – через инструменты «мягкого» и «жесткого» права. В частности, более либеральные принципы и механизмы включаются в международно-правовые договоры с участием ЕС (см. «Инструменты внутренней либерализации...»).

На начальном этапе выстраивания общих правил игры для Востока и Запада (в 1990-е годы), будучи уверенными в конкурентных преимуществах своих компаний на рынках принимающих государств, государства Запада исповедовали либеральные принципы Вашингтонского консенсуса. Отношения со странами Востока строились по парадигме «природные ресурсы в обмен на инвестиции в освоение этих ресурсов».

Ныне же компании принимающих государств Востока сформировались и окрепли. И теперь речь идет, в первую очередь, об их доступе на рынки стран Запада. Поэтому начинают проявляться явные признаки отступления от либеральных моделей Вашингтонского консенсуса. Во главу угла

поставлено не построение открытых недискриминационных рынков, а протекционистская модель регулирования на основе индивидуальных предпочтений и/или дискриминации отдельных игроков, защита собственных рынков и их закрытие от нежелательных участников.

Именно такая метаморфоза происходит, на мой взгляд, в газовой сфере ЕС по отношению к внешним поставщикам, в частности к России. Европа стоит на перепутье: будет ли продолжена линия на последовательную либерализацию энергетического законодательства или произойдет резкий разворот в сторону протекционизма и односторонних предпочтений?

Дополнительным фактором, стимулирующим такое «обратное перестроение», может являться относительное сокращение спроса на ископаемое топливо вследствие изменения парадигмы развития мировой энергетики от ожидания «пика предложения» к «пику спроса».

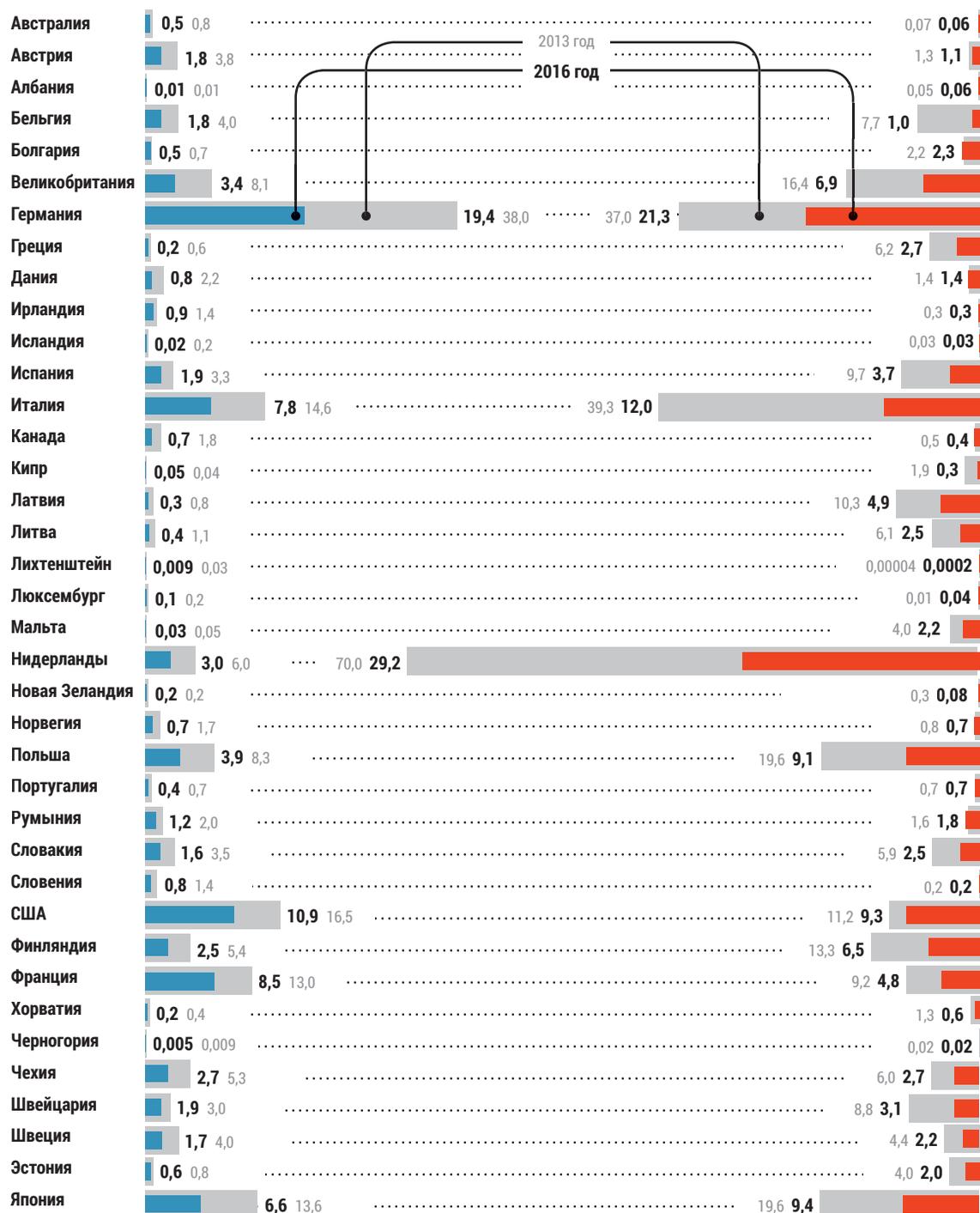
ИСПЫТАНИЕ ПОТОКОМ

Для каждого явления можно найти свой «лакмусовый тест». Таким тестовым испытанием для Европы, на мой взгляд, служит эволюция намерений Еврокомиссии по отношению к проекту «Северный поток-2» (СП-2). Борьба за режим его регулирования – это новый этап в политике экспорта европейского законодательства. На сей раз в его основе лежит стремление к либерализации рынка газа РФ по европейскому образцу с целью получения более низких импортных цен.

Третий энергопакет создал новые риски и неопределенности для традиционной инвестиционной модели освоения ресурсов газа и его долгосрочных поставок

Последние эскзерсисы Еврокомиссии вокруг СП-2 связаны с модернизацией Третьей газовой директивы. В частности, откорректированы понятие «трубопровод-интерконнектор» и сопутствующие статьи. Цель этих манипуляций понятна: если не воспрепятствовать, то усложнить создание газопровода и заодно внедрить в России нормы европейского законодательства, которые выгодны импортерам, но не выгодны государству-собственнику ресурсов, ибо ведут к сокращению его монетизируемой ресурсной ренты. Механизм достижения последней цели представляется следующим: столкнуть между собой две российские госкомпании – «Газпром» и «Роснефть». Они, как известно, и так уже выступают антагонистами по ряду существенных вопросов.

КАКИЕ ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ПОСТРАДАЛИ ОТ ВВЕДЕНИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

Источник: <https://ria.ru/infografika/20171123/1509243542.html?inj=1>

«Газпром» является монопольным экспортером трубопроводного газа, что служит целям максимизации ресурсной ренты РФ. «Роснефть» также обладает ресурсами газа и стремится стать его экспортером – на зарубежных рынках выше платежная дисциплина и цены... Поэтому «Роснефть» мечтает раздробить «Газпром», чтобы получить доступ к экспортной трубе и сформировать российский рынок газа по американскому или европейскому образцу (обособив транспортировку от остальных видов газового бизнеса). Плюс к этому компания имеет договор с ВР о маркетинге газа, а ее агентское соглашение с «Газпром экспортом» не задалось.

Процесс работы над сетевыми кодексами растянулся на долгие семь с лишним лет. За это время были подготовлены и приняты шесть юридически обязательных СК

Намерение распространить принцип обязательного доступа третьих сторон (ОДТС) на «Северный поток-2», вводя трубопровод на всем его протяжении в зону действия законодательства ЕС, должно решить потаенную экономическую задачу Еврокомиссии по либерализации рынка газа РФ. Ибо такая мера создает конкуренцию между различными поставщиками российского газа. Плюс к тому, это сталкивает лбами две российские госкомпании, что решает политическую задачу западных властей по ослаблению «путинского режима» путем нанесения ущерба «друзьям Путина». Конфликт двух госкомпаний должен их ослабить, а снижение цен в результате конкуренции может привести к уменьшению доходов «путинского режима» (в западной терминологии). Плюс к этому, расширится бизнес ВР (правда, в связи с Brexit, Великобритания уже вскоре окажется за пределами ЕС).

Логика экспорта европейского законодательства находит свое отражение и в других системообразующих документах ЕС. Так, уже упоминавшийся проект Quo Vadis предлагает набор модельных сценариев, которые ведут к прямой экономической и административной дискриминации поставок российского газа и к созданию искусственных конкурентных преимуществ для СПГ (в первую очередь американского) в Европе.

В понимании ЕС «сотрудничество» – это принятие законодательных норм страны-импортера (нацеленных на минимизацию цены поставляемого энергоресурса) в государстве-экспортере (которое имеет право получения максимальной

монетизируемой ресурсной ренты). О выработке норм взаимодействия сторон на основе баланса их интересов речь не идет или достигается с большим трудом. Такой подход де-факто означает отказ от сотрудничества.

ДВА ЕВРОПЕЙСКИХ ЛАГЕРЯ

Сменяющие друг друга волны либерализации и протекционизма отражают меняющуюся расстановку сил в глобальной конкурентной борьбе. Практика показывает: сильнее конкуренция – больше склонность к протекционизму, как инструменту защиты национальных интересов. По каким-либо причинам конкуренция ослабевает – повышается склонность к либерализму, ибо национальные экономические агенты меньше нуждаются в защите.

ЕС оказался, на мой взгляд, заложником и возможной жертвой подобных изменений. Это находит свое отражение в грядущих (планируемых, но не факт, что predetermined) изменениях на газовом рынке Европы. Их дирижером, по моему мнению, являются США. Исполнителями – новые страны-члены ЕС, бывшие члены СЭВ. Основной жертвой – старые члены ЕС и сам Евросоюз как единая консолидированная структура. Его раскол лишает Европу ряда конкурентных преимуществ.

На всех этапах формирования энергетического законодательства ЕС происходила его целенаправленная международная экспансия

Внутренние противоречия в ЕС нарастали с течением времени. Точка невозврата, на мой взгляд, была пройдена после расширения в 2004–2007 годах. Тогда союз принял в свой состав 12 новых членов, но не смог эффективно «переварить» их поглощение, обеспечить безболезненную ассимиляцию, встраивание в состав ЕС с сохранением однородности и гомогенности сообщества. Это нашло отражение и в энергетике, в частности в газовой отрасли. Ибо в «новых» странах ЕС, в силу объективных исторических причин, сохраняется существенно более низкий уровень насыщенности газотранспортной инфраструктурой, чем в «старых». Отсюда – меньшая предрасположенность (технологическая подготовленность) к формированию конкурентных национальных рынков.

Так, по расчетам Екатерины Орловой из Института энергетике и финансов, в 2012 году уровень насыщенности стран Центральной и Юго-Восточной Европы инфраструктурой

ГТС соответствовал показателю, который государство Северо-Западной Европы имели в 1970-х – начале 1980-х годов. А ведь именно степень разветвленности данной инфраструктуры обеспечивает технико-экономические предпосылки для формирования конкурентных и ликвидных рынков. Ибо только тогда у поставщиков и покупателей возникает возможность выбора своих контрагентов.

Поэтому при всей фразеологии о «едином внутреннем газовом рынке ЕС» сохраняется два уровня его развития. И предлагаемая некоторыми европейскими лидерами «политика двух скоростей» имеет в своей основе горькое осознание этой объективной реальности. Фактически Евросоюз по ряду вопросов уже распался на два экономических лагеря, разных по уровню глобальной конкурентоспособности. Точнее, он так и не смог превратиться в одно целое.

По мере либерализации внутренних рынков газа своих стран-членов ЕС пытается распространить свои правила игры на все более обширное пространство вне Евросоюза

ОТРАВЛЕННАЯ ПИЛЮЛЯ

На мой взгляд, «отравленной пилюлей», усугубившей объективно произошедший раскол между «новыми» и «старыми» странами ЕС, стала Украина. Доктором, прописавшим эту «пилюлю», являются США. Дополнительно ударивший по Европе «кризис беженцев» был фактически также спровоцирован Америкой, ибо стал следствием многочисленных цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке (откуда, помимо прочего, идут поставки энергоресурсов в Европу).

Санкции США против России в связи с Украиной были направлены, во-первых, на то, чтобы поссорить Киев с Москвой и затем втянуть в это дело Европейский союз. Тем самым Америке удалось поссорить с Россией и ЕС – основного торгового партнера. При этом активно использовались внутренние противоречия самого Евросоюза – между старыми и новыми членами.

«Старый» Евросоюз пытается проводить самостоятельную политику, он наименее заинтересован в конфронтации с Россией. Страны, являющиеся костяком европейской интеграции с 1950-х годов, несут наибольшие потери от введенных ими санкций (см. «Западные страны, в наибольшей

степени пострадавшие от введения антироссийских санкций»).

А новые члены Евросоюза быстро разочаровались в той второстепенной роли, которая им по факту отведена в ЕС. На них не пролился «золотой дождь» финансовой помощи из Брюсселя. В них не произошло ускоренное расширение инфраструктуры ГТС. Наоборот, наблюдалось замедление ее развития. Поэтому в Центральной и Юго-Восточной Европе, в отличие от Северо-Западной, не наблюдалось снижения цен на газ.

В условиях высоких нефтяных котировок (вплоть до 2014 года) и вследствие отсутствия альтернативных поставок восточно-европейские страны были вынуждены платить более высокую контрактную цену за импортный газ, чем спотовая цена на газ, которую платили старые члены ЕС. Это только усугубляло разногласия между «двумя Европами».

В итоге, не получив ожидавшихся финансовых потоков из Брюсселя, новые страны ЕС стали обращаться за ними напрямую в Вашингтон. Для этого должен был быть предъявлен серьезный повод. И он был с легкостью найден, ибо для него существовала питательная среда по обе стороны Атлантики. В США еще не выветрилась «генетическая память» о военном противостоянии с СССР. При этом мировые элиты после известной мюнхенской речи В. Путина осознали, что США постепенно утрачивают роль лидера выстраиваемого ими однополярного мира и происходит неизбежный возврат к миру многополярному. Поэтому Вашингтон заинтересован в сдерживании Москвы. В частности, методами военного противостояния, в том числе за счет усиления своего военного присутствия на ближних подступах к РФ.

Тестовым испытанием для Европы служит эволюция намерений Еврокомиссии по отношению к проекту «Северный поток-2»

Расширение НАТО на Восток вполне соответствовало неудовлетворенным ожиданиям бывших стран-членов СЭВ. Там сохранились общественные слои, поддерживающие антироссийские настроения, апеллирующие к сложным страницам нашей общей истории и дающие им жесткую антироссийскую трактовку. Стало экономически выгодно разыгрывать политическую карту «угрозы с Востока», в том числе в сфере энергетики. В частности, представляя «Газпром» «энергетическим оружием Кремля», который устанавливает для бывших членов СЭВ высокие «политические» цены.

Поэтому, когда «новые» страны ЕС стали обращаться за защитой «от угрозы с Востока» в Вашингтон, в спектр этих «угроз» хорошо вписалась энергетика. Аргументом стали объективно сложившиеся более высокие, чем в Западной Европе, цены на российский газ. И неважно, что в реальности ответственность за это следовало бы возложить не на Москву и «Газпром», а на сам ЕС, недофинансировавший развитие альтернативной газовой инфраструктуры.

При этом регулярно припоминались транзитные кризисы 2006 и 2009 годов. Повсеместно на Западе утверждалось, что данные инциденты свидетельствуют якобы о ненадежности России как поставщика. При этом замалчивалась негативная роль в этих кризисах Украины, которая занималась несанкционированным отбором газа из транзитной трубы. Таким образом перекладывается ответственность за недопоставки в ЕС в тех январских событиях с больной головы на здоровую.

«Отравленной пилюлей», усугубившей объективно произошедший раскол между «новыми» и «старыми» странами ЕС, стала Украина

Ко всем этим явлениям, ведущим к расколу (или препятствующим дальнейшей консолидации) ЕС, в последнее время добавились такие «черные лебеди», как Brexit, каталонский референдум и т. п. Это явно не способствует укреплению глобальной конкурентоспособности Евросоюза.

РАСКОЛ ЕС И ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Протекционизм является политикой по поддержке «своих» и противодействию «чужим». Он мешает созданию недискриминационных условий и открытых рынков, где в конкуренции выигрывает не «свой», а наиболее эффективный.

На мой взгляд, именно ослабление конкурентоспособности ЕС является истинной целью действий США по поддержке нынешнего политического режима на Украине, враждебного России. Полагаю, именно на это нацелено буквально «втаскивание» Соединенными Штатами ЕС в совместную антироссийскую политику. Причем иногда даже без согласования с Брюсселем новых санкционных «совместных» инициатив.

Лозунгом любой американской администрации всегда являлся *America First* («Америка прежде всего»). Нынешняя администрация добавила к нему *Global Energy Dominance* («Обе-

спечение глобального энергетического доминирования»). В частности, ставится цель вытеснить российский сетевой газ из зоны его исторического доминирования на Востоке ЕС. Для этого ему – руками европейских энергорегуляторов – создаются дополнительные экономические и административные барьеры на пути в Европу (см. *проект Quo Vadis*).

Именно ослабление конкурентоспособности ЕС является истинной целью действий США по поддержке нынешнего политического режима на Украине, враждебного России

Между тем глобальная конкуренция ныне ужесточилась по сравнению с ситуацией еще 10–15-летней давности. На мировой арене в сфере передовых технологий, помимо когда-то доминировавшей триады США – Западная Европа – Япония, теперь прочно обосновались и другие государства – страны Юго-Восточной Азии, члены БРИКС (в первую очередь Китай и Индия) и другие. В условиях ужесточившейся конкуренции есть две возможности (которые не являются взаимоисключающими, а могут сосуществовать) удержаться на передовых позициях. Первая – бежать быстрее конкурентов. Вторая – «насыпать битого стекла в кроссовки конкурента». Иначе говоря, устранить «слабое звено», чтобы занять его конкурентную нишу.

На мой взгляд, именно таким «слабым звеном» становится сегодня ЕС в результате всех вышеописанных метаморфоз, вызревших внутри и привнесенных извне. Втягивание Евросоюза в политику США по сохранению полномасштабного украинского транзита в Европу после 2019 года, противодействие строительству обходящих Украину газопроводов отражает стремление Соединенных Штатов сделать поставки российского газа в ЕС более дорогими. Тем самым расчищается площадка для американского угля и СПГ, более дорогого при поставках в ЕС, чем российский сетевой газ. Иными словами, Европа превращается в рынок сбыта более дорогих и более грязных американских энергоресурсов. Удорожание энергетической компоненты сделает продукцию обрабатывающих отраслей стран-членов ЕС более дорогой, а значит, менее конкурентоспособной на глобальном рынке. «Ничего личного. Только бизнес».